

ния, мздоимство и лихоимство царили повсеместно. И царице оставалось лишь констатировать этот факт: «Ненасытная жажда корысти дошла до того, что некоторые места, учреждаемые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие — предводительством судей, а потворство и опущение — одобрением беззаконникам».

Сенат пытался было что-то предпринять для ограничения разгула коррупции, но эффективность его мер была мала. Например, он постановил менять воевод каждые пять лет, но фактически это решение осталось только на бумаге.

Екатерина II оказалась гораздо более верной заветам Петра I. Едва взойдя на престол, она дала понять своему народу, что не намерена потакать взяточникам, а чиновникам — что их проделки не укроются от ее ока.

Смертную казнь лихоимцам императрица вводить не стала, а вот выплату жалованья чиновникам возродила. И содержание им установила вполне приличное, позволяющее жить вполне достойно. В 1763 году годовой оклад служащего средней руки составлял: 100-150 рублей в центральных и высших учреждениях, 60 рублей - в губернских и 30 рублей - в уездных. Для определения покупательной способности этих денег, можно сказать, что пуд зерна в то время стоил 10-15 копеек.

Теперь императрица имела право требовать от чиновников честности и действий согласно букве закона. Однако алчность чиновников была сильнее доводов разума. Так, когда Екатерине II доложили о результатах проверок в судах Белгородской губернии, то она была настолько возмущена ими, что выпустила специальный указ, чтобы усювестить продажных судей: «Многokrатно в народ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздоимство развращают правосудие и утесняют бедствующих. Сей вкоренившийся в народе порок еще при восшествии нашем на престол принудил нас... манифестом объявить в народ наше матерное увещевание, дабы те, которые зараже-

ны еще сею страстью, отправляя суд так, как дело Божие, воздержались от такого зла, а в случае их преступления и за тем нашим увещанием не ожидали бы более нашего помилования. Но, к чрезмерному нашему сожалению, открылось, что и теперь нашлись такие, которые мздоимствовали к утеснению многих и в повреждение нашего интереса, а что паче всего, будучи сами начальствующие и обязанные собой представлять образец хранения законов подчиненным своим, те самые преступники учинились и в то же зло завели».

При Павле I ситуация только обострилась. Бумажные деньги (ассигнации), которыми выплачивалась зарплата чиновникам, стали обесцениваться, и служащие опять обратились к извечному источнику своего дохода - взяткам. И усердно из него черпали.

Коррупция вновь начала процветать при НЭПе, когда вновь возникла предпринимательская деятельность. Тогда же взяточничество стали считать формой контрреволюционной деятельности, а контрреволюционеров, как известно, ставили к стенке.

По личным указаниям Феликса Дзержинского, каздый пойманный на взятке чиновник его ведомства, практически без суда и следствия подвергался расстрелу. Только так Дзержинскому всего в течение года удалось навести порядок.

Позже, к концу 20-х годов, борьба с коррупцией приобретает характер массовых карательных кампаний.

Теперь взятками стали считать любые подарки должностному лицу, работу по совместительству в двух и более учреждениях, находящихся между собой в товарообменных партнерских взаимоотношениях и т.п.

г. Анива,
ул. Первомайская, 10
Телефон: 8(42441)4-26-61
Эл. почта: ibo-aniva@mail.ru

*Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых.
Из Ветхого Завета*

Из истории коррупции в России

Коррупция на Руси развивалась и крепла по мере развития государственного аппарата. В XVII веке на Руси для определения видов взятки существовало несколько юридических названий: почести, поминки и посулы.

Любопытно, что «почести» (предварительная «подмазка» должностного лица) и «поминки» (подарок «по итогам») считались вполне законными вещами, а вот за «посулы», то есть за нарушение закона за плату, полагались телесные наказания. Именно за посулы в 1654 году пострадали князь Алексей Кропоткин и дьяк Иван Семенов, взявшие деньги с купцов, которых царь Алексей Михайлович собирался переселить в Москву. Купцам туда не хотелось, и они предпочли дать взятку, не подозревая, что царь уже и отменил свое решение. Тем не менее князь потребовал с купцов 150 рублей, а дьяк — 30 рублей и бочку вина, за что оба прилюдно были биты кнутом.

Позже уголовное право царской России разделило взяточничество на два вида: мздоимство и лихоимство. Взятка, данная за совершение действия, входящего в круг обязанностей должностного лица, трактовалась как мздоимство. Взятка за совершение служебного проступка или преступления в сфере служебной деятельности трактовалась как лихоимство. Причем к мздоимству само государство и народ относились издавна довольно терпимо. Еще во времена Древней Руси для чиновников стал практиковаться византийский принцип — им не платили жалованья, но позволяли кормиться за счет подношений народа.

Самой «хлебной» должностью в России XVI-XVII веков была должность воеводы. Чтобы не допускать чрезмерного обогащения воевод, царь даже ограничил период их полномочий двумя годами. А чтобы они за эти два года не превратились в «олигархов»,

их имущество проверялось на царских заставах, когда воеводы возвращались через два года с места службы. Воеводские возы и подводы обыскивались без всякого стеснения, и ежели возникало впечатление, что они везут слишком много добра, то излишки безжалостно реквизировались в пользу казны.

Верховная власть, не создав четкого механизма вознаграждения труда чиновников, переложила груз обеспечения воевод и подьячих на посадских и уездных людей. И тем самым положила начало безудержной российской коррупции и бесконечной цепи взаимных обид и жалоб. Народ невлюбил чиновников, чиновники — народ. Бывало, что пока в земской избе один подьячий писал под диктовку старосты челобитную на ненасытность воеводы, в то же самое время в съезжей избе другой подьячий писал под диктовку воеводы жалобу на старосту.

Постепенно, с формированием и укреплением государственного аппарата в России стала укрепляться бюрократия — особая каста чиновников, получавших жалование из казны. Она впитала в себя традиции прошлых поколений чиновников, а потому относилась к «кормлениям», как к своему священному наследственному праву, даже несмотря на жалование. Впрочем, народ, хотя и любил поязвить по этому поводу, но особо не противился. В порядке вещей считалась материальная благодарность чиновникам за оформление документов или какую-либо другую их работу. Обычным делом были и подарки им к именинам и праздникам. Понятно, что грань между разрешенной «почестью» и запрещенным «посулом» была весьма зыбкой, что способствовало злоупотреблениям со стороны чиновников.

Великий реформатор Петр I пытался выстроить в государстве систему борьбы с коррупцией. Сообщениями «о похищении казны» первоначально занималась тайная канцелярия во главе во главе с графом П.А.Толстым. И работала она на совесть. Историк Карамзин писал так: «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и каз-

ни служили средством нашего преобразования государственного». Но, видимо, со времен дел по казнокрадству стало так много, что их передали из тайной канцелярии в общую юстицию. Не пытки, ни казни, ни общественный позор не останавливали взяточников.

Один из иностранцев, посетивших Россию в царствование Петра, писал: «На чиновников здесь смотрят как на хищных птиц. Они думают, что со вступлением их на должность им предоставлено право высасывать народ до костей и на разрушении его благосостояния основывать свое счастье».

Порой складывается впечатление, что царь Петр в одиночку вел бой с многоголовой гидрой коррупции и что он чуть ли не единственный, кто жил исключительно на государственное жалование. Остальные дворяне и чиновники к проблеме мздоимства относились гораздо терпимее. В этом плане весьма показательна одна известная история:

Как-то в конце жизни Петр I, выведенный из себя повальным воровством государевых людей и отчаявшийся их перевоспитать, пригрозил в Сенате вешать всякого чиновника, укравшего настолько, сколько нужно на покупку веревки. Однако главный блюститель закона генерал-прокурор Ягужинский остудил тогда праведный гнев царя знаменитой фразой: «Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и без подданных. Мы все воруюем, только один больше и приметнее другого».

Взошедшая на трон дочь Петра I Елизавета не пеклась столь рьяно, как ее батюшка, об искоренении коррупции. А потому вернула страну к прежним порядкам. Была отменена выплата жалования чиновникам, но при этом и отменена смертная казнь за взяточничество. В результате «кормление от дел» опять стало для честных чиновников единственным способом не умереть с голоду, а нечестные чиновники вовсе перестали бояться чего-либо. Хище-

